

Любимым местом прогулок сотрудников газеты в 60-е годы было "Дворянское гнездо". Всего несколько минут неспешным шагом ("Орловская правда" тогда размещалась в Доме Советов), и ты из жаркого, грохочущего центра города (по Ленинской еще ходили трамваи) попадал в прохладный зеленый рай.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

«ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА»

Вот уцелевшая старинная аллея могучих лип, окаймляющая калитинский домик. Радуют возмужавшие березы и тополя, посаженные орловцами на субботниках сразу после войны. Спокойно несет свои неглубокие воды Орлик, подмывая левый скалистый берег. А на правом — привольно раскинулись сады, на лугах пасутся овцы и козы. Милая сердцу горожанина сельская идиллия...

Места эти овеяны многочисленными легендами и былями, они тесно связаны с великими именами: Тургеневым, Лесковым, Буниным. Еще в 19-м столетии этот поэтический уголок Орла народная молва нарекла "Дворянским гнездом".

Инициатором походов на "Дворянку" всегда был Слава Пуршев — редакционный художник. Еще в бытность студентом художника приходил он сюда с этюдником, зарисовывал здешние неповторимые виды, беседуя в старинном вкусе, скульптурное изображение Тургенева.

Многие наброски потом использовал при оформлении книг, в частности, поэтических сборников своего друга Димы Бlynского, а также литературных страниц "Орловской правды" и "Орловского комсомольца".

Талантливый художник дружил со многими орловскими писателями, краеведами, людьми интересными, знающими. Одним из них был Леонид Николаевич Афонин, уже тогда известный орловский литературовед, отличный знаток и популяризатор творчества Тургенева, Лескова, Фета, Андреева, Бунина. Практически все его исследования статьи

публиковались на страницах "Орловской правды", и многие проиллюстрированы Вячеславом Пуршевым.

Думается, что задушевные встречи молодого художника с опытным литературоведом значительно расширили кругозор сотрудника газеты в познании истории нашего края, воплощались в реалистические рисунки к произведениям писателей.

С Пуршевым приятно было бродить по тихим аллеям "Дворянского гнезда". Он знал многое, мог часами рассказывать об историях, связанных с этими местами, поражая своих слушателей отличной памятью. Слава нередко ставил нас в тупик, спрашивая, к примеру, как начинается знаменитый тургеневский роман "Дворянское гнездо". Мы ломали голову, безбожно фантазировали, переливая текст, и в конце концов смущенно ямлили: мол, давно читали, еще в школе проходили.

А Слава подначивал: — Стыдно, журналисты, не знать творчество нашего земляка... А роман, напечатанный в "Современнике" в 1859 году, начинается так: "Перед открытым окном красивого дома в одной из крайних улиц губернского города О. (дело происходило в 1842 году) сидели две женщины..."

Он рассказывал о прототипах романа, о том, что писали по этому поводу

Лесков и Бунин. Почти дословно цитировал строки из автобиографического романа Бунина "Жизнь Арсеньева": "Мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улию, где на обрыве над Орликом, в старинном саду, осыпанном мелкой анрельской зеленью, серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися тру-

лось корпеть над очередной корреспонденцией. Хотелось на свежий воздух, на природу.

К нам в отдел сельского хозяйства после обеда заглянул Пуршев, в расстегнутой рубашке, в руке пестрый носовой платок, которым он то и дело вытирал потное лицо. Как бы отчитался:

— Ну, я свое дело сделал, Виктор Высокосов. В коридоре возле кабинета С.В. Коробкова встретили тихую молоденькую секретаршу Люду из приемной редактора. Слава уговорил ее пойти с нами...

Вячеслав Пуршев и Дмитрий Бlynский.

лами, в которых уже вили гнезда галки. Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот еще редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви..."

...Май 1967 года выдался жарким, солнце палило не по-весеннему, в прокуренных редакционных кабинетах было душно, и оттого не очень-то хоте-

лал: отретушировал снимки Галкина, к фельетону Хорошилова сделал рисунок... Теперь можно и на "Дворянку" сходить, охладиться...

Иван Константинович Миронов сразу же отказался.

— Должен сегодня очерк добить. Уже редактор интересовался...

Идею Пуршева поддержали я, Михаил Ромашин, Владик Пономарев, кажет-

ся, Виктор Высокосов. В коридоре возле кабинета С.В. Коробкова встретили тихую молоденькую секретаршу Люду из приемной редактора. Слава уговорил ее пойти с нами...

"Дворянка" встретила нас непрестанным щебетом веселых птиц, тихой прохладой, манящей глубиной степного Орлика. Мы наслаждались красотой увиденного, шутили, разыгрывали друг друга, о чем-то говорили, говорили... Ничто не предвещало беды...

...Редакционный художник — фигура в газете особая. От его работы зависит неповторимый облик издания, его привлекательность.

Особенно в те далекие 60-е годы. Тогда и понятия не было о компьютерном наборе, компьютерной верстке. Многие делались вручную. Подчас рисунки вырезались на линолеуме, наклеивались на дощечку и заверстывались в полосу. Все это входило в обязанности редакционного художника.

Газеты того времени выглядели куда скромнее нынешних, были внешне непривлекательны. Два-три маленьких фото на всех

четыре полосы, иногда вообще без снимка. Небольшие заголовки, длинные слепые колонки сплошного текста, никаких броских аншлагов.

Редактор "Орловской правды" С.В. Коробков как мог лепил этот сложившийся стиль оформления. И в этом главным помощником ему стал Слава Пуршев.

Его художественный талант проявлялся даже в рутинной работе, где, казалось бы, достаточно ремесленного умения. Ретушь так ретушь. Притом ювелирная. Штриховой заголовки? Будет и такой, отменный, украшающий полосу.

Помню работу с ним над иллюстрацией к моему очерку "Водители", который помещен в "Орловской правде" 1 января 1965 года. Герои материала — ветеран войны, заслуженный шофер из Дмитровска Иван Андреевич Работный и его сыновья. Также и тели большегрузных автомашин.

Принес ему подписанный редактором материал, попросил как-то украсить (фото — не было), чтобы смотрелся на полосе. Слава сделал два наброска. Посмотрели, обсудили — не очень понравилось и самому художнику.

Через час заходит с рисунком на три колонки. Все мои товарищи по отделу единодушно одобрили сделанное — рисунок понравился соответствием тексту, своей экспрессией. А очерк начинался так: "Андрейч спешил. До Нового года оставались считанные часы. Он глядел на дорогу, на сугробы снега, фиолетовые в свете фар, на пушистые снежинки, которые ветер безжалостно придалывал к радиатору машины, и они тут же умирали-таяли, и все жал на газ. Ему хотелось обязательно встретить Новый год в кругу семьи, в теплой уютной квартире, и чтобы обязательно была елка, нарядная, с разноцветными огнями, чуть-чуть припудренная искусственным снегом. Андрейч спешил..."

В моем архиве хранится номер "Орловской правды", над которым Пуршев трудился особенно напряженно и творчески. Он посвящен 400-летию Орла (отмечался в сентябре 1966 года). Номер вышел в цвете, что по тем временам случай экстраординарный. Славянской вязью на первой странице художник начертал слова "Городу Орлу — 400 лет!". Внизу рисованными старинными буквами строки из летописи: "По велению государя царя Великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен быть город на поли на реке Орле".

Справа крупным планом рисунок: кресты на стрелке, плывущие по Оке струи... Художник всё композиционно продумал, исторически выверил. Номер был отмечен на летучке, а Пуршев получил денежную премию.

Александр МАКУШЕВ. (Окончание следует).

(Окончание. Начало в № 18).

Немало времени Слава проводил в командировках. ТанDEM журналист—художник тогдашний редактор С.В. Коробков придавал особое творческое значение. Это разнообразило форму подачи материалов, вызывало у читателей повышенный интерес к поднимаемой в газете теме.

Листая подшивку "Орловской правды" за тот период, постоянно видишь такие подписи: текст И. Миронова — рисунок В. Пуршева, текст В. Пикуля — рисунок В. Пуршева, текст А. Яновского — рисунок В. Пуршева...

Сотни образов Героев Социалистического Труда, депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР, ударников и стахановцев, лучших представителей интеллигенции запечатлены талантливой рукой художника. Их портреты по праву

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА»

могут составить блестящую галерею Славы лучших сынов и дочерей Орловщины.

Рисунок пером, карандашный портрет, тонкий сельский пейзаж — все удавалось Пуршеву. И самое главное — он владел искусством передать в рисунке не только поразительное сходство своего героя, но и внутреннюю сущность человека.

Эту черту его таланта особенно ценил Дмитрий Блынский. В 1961—1962 гг. поэт работал специальным корреспондентом "Орловской правды" и вместе с Пуршевым часто ездил в командировки. В одном из писем родным Дмитрий пишет: "Еду... в командировку... в Ливенский район, в Крутое — писать стихи о лучших людях... Едем — я и художник. Он будет рисовать к моим стихам иллюстрации".

В очередном письме: "Завтра еду далеко — в Шаблыкино. На днях был в Дмитровске..."

Тесный творческий союз поэта и художника давал отличный результат. Читатели в своих письмах в редакцию не раз отмечали стихотворные репортажи и поэмы Блынского с талантливыми рисунками Пуршева.

К тому времени Слава стал признанным оформителем многих книг не только орловских писателей. Его чернила в российских издательствах, в детских и взрослых журналах.

В 1963 году в Орловском книжном издательстве вышел третий сборник стихов и поэм Блынского в оформлении его друга. Поэт уже жил и работал в Москве и с удовольствием сообщал родным: "Вчера звонил Пуршеву, он должен прислать штук 50 моих книжек".

Перевод поэта в столи-

цу не внес заметных изменений в их дружеские, поистине братские отношения. Пуршев часто гостил у Блынского, радовался успехам Димы, по-прежнему делал рисунки к его стихам, которые регулярно печатались в "Орловской правде".

Блынский, сам неплохой художник по первому образованию, в свою очередь активно помогал укреплять имидж Пуршева в московских издательствах...

Помню, как горестно и тяжело, как свою личную трагедию, переживал Пуршев внезапную смерть Блынского. В октябре 1965 года он ездил на похороны, помогал родственникам пережить это несчастье. Потом со слезами на глазах рассказывал нам о случившемся, о том, как тепло, многолюдно провожал поэта в последний путь.

Вновь Пуршев встретился со своим другом теперь, правда, уже на страницах готовящейся к изданию в Москве рукописи Блынского "Лада". Книга под таким названием в оформлении орловского художника вышла в июле 1966 года в известном издательстве "Московский рабочий".

Иллюстрация Вячеслава Пуршева.

художественный такт. Посетившая выставку Вдова Блынского Татьяна в письме к родственникам с удовольствием отмечает успех художника: "Я была на этой выставке. Работы его очень понравились..."

Мы, его друзья, тоже радовались творческим успехам Пуршева. Казалось бы, впереди у него еще целая жизнь...

...Но вернемся в тот цветущий май 1967 года. Мы шли по прохладным,

защищенным от горячего солнца рощам и аллеям "Дворянского гнезда", говорили о том о сем, вспоминали героев романа Тургенева Лаврецкого и Лизу, их трагичную любовь. Пуршев где-то вычитал, что прототипом Калитиной была графиня Мария Николаевна Толстая — родная сестра великого писателя. — Пожалуй, в это поверить можно, — убеждал он нас. — Тургенев его хорошо знал, одно время даже был

влюблен. А потом Мария Николаевна ушла в монастырь, как и Лиза...

Будущий кандидат филологических наук Владислав Пономарев с высоты своего огромного роста снисходительно смотрел на Славу, не соглашаясь.

— Тургенев и молодую поэтессу Елизавету Шахову хорошо знал, встречался с ней... Она тоже закончила жизнь монахиней...

— Ребятки, давайте закончим этот научный спор, — предложил Михаил Ромашин. — Пора искупаться!

Мы пошли искать подходящее место, а Слава и Люда, о чем-то оживленно беседуя, громко смеясь, стали подниматься по узкой тропинке обрывистого берега Орлика.

Кто-то из нас, глядя им вслед, сказал: — Влюбленная парочка...

Трудно сказать, что было между ними. Скорее всего — романтическая увлеченность, причем с обеих сторон.

Люда работала в газете всего несколько месяцев. После окончания средней школы в вуз не прошла, вот мама и привела ее к нам, уговорила редактора взять девочку в его приемную. Была она начитанна, грамотна, мила, но не красавица. Прекрасная фигурка девочки-подростка, какая-то особая улыбка, умение поддерживать разговор со всеми. Наверное, эти качества привлекли к ней внимание редакционного художника. Люди творчес-

кие, известно, народ влюбчивый...

Сам Пуршев был красивым мужчиной. Пластичен, подобран, с гордо посаженной головой, которую украшали густые кудрявые волосы. Он рано начал седесть, и седина придавала его лицу особое благородство, этакий шарм.

Одет всегда, как говорится, с иголочки. Обязательно — галстук, белая накрахмаленная рубашка...

Так что не влюбиться в такого было просто нельзя...

Они шли по крутой тропке над обрывом "Дворянского гнезда", внизу тихо плескался Орлик, пели птицы, и так хорошо им было вдвоем...

Как рассказывала Люда потом, Слава много шутил, читал стихи своего любимого Есенина, наговорил ей столько любезных слов.

Спрашивал полшутя, полусерьезно:

— Верить ли, что люблю тебя? Ну хочешь, докажу... Вот нырну прямо сейчас, в одежде с этого обрыва...

Девчонка не успела еще ответить, как Слава ласточкой полетел вниз...

К сожалению, Орлик в этом месте был мелководен, а дно — сплошные камни.

Без сознания, с серьезными переломами шейных позвонков Пуршева доставили в больницу.

Он прожил еще три дня, но врачи были бессильны...

Из многих мест России шли соболезнования по поводу трагической смерти Пуршева. Слова глубокой скорби выразили Союз художников и Художественный фонд РСФСР, коллектив журнала ЦК ВЛКСМ "Комсомольская жизнь", орловские писатели, многие издательства, обком комсомола, просто почтители талантливого художника.

Пожалуй, проникновеннее всех сказали о Славе Пуршеве коллеги из "Орловского комсомольца". В напечатанном 30 мая 1967 года некрологе говорится: "Он прожил мало — 31 год. Он многое еще не успел сделать. Но то, что он подарил людям — взрослым и маленьким читателям, — будет помнить долго. В доме каждого орловца найдется книжка, которую иллюстрировал наш друг Слава Пуршев. Его рисунки часто появлялись на страницах "Орловского комсомольца" и "Орловской правды". Его талантливый карандаш рисовал светло и радостно. Орловцы с нетерпением ждали каждую его новую работу. Мы гордились тем, что росла его популярность, что имя его стало в ряд лучших молодых художников-иллюстраторов России.

Слава Пуршев был не только талантливым художником, но и талантливым человеком. Его душа всегда была щедро открыта людям. Дружить и товарищам всегда было легко и хорошо с ним. И нет сейчас слов, чтобы выразить всю скорбь и горе, которые испытываем мы...

Лучше, душевнее не скажешь...

Александр МАКУШЕВ.